

CONGRESSUS DECIMUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM

Joshkar-Ola 15.08. – 21.8.2005

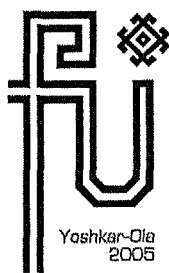
Pars III

Summaria acroasium in sectionibus

Folkloristica & Ethnologia

Litteratura

Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia

Joshkar-Ola, 2005

ББК 63
УДК 93/99
Т 13

Редакционная коллегия: *К.Н. Сануков*
И.С. Галкин
И.Г. Иванов
О.П. Воронцова

Т 13 Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология, этническая история: III часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола. – 2005. – 300 с.

ISBN 5-94808-185-0

Третий том серии публикаций X Международного конгресса финно-угроведов включает тезисы выступлений по фольклористике и этнологии, литературоведению, археологии, антропологии, этнической истории; тексты выступлений на симпозиумах и круглых столах. В нем содержатся тексты, посвященные различным вопросам финно-угроведения.

ISBN 5-94808-185-0

ББК 63
УДК 93/99

© X Международный конгресс финно-угроведов, 2005
© ГОУВПО «Марийский государственный университет», 2005

Юрий АНТОНОВ

Саранск

Творческая индивидуальность Валентины Мишаниной

В современной мордовской литературе творчество В.И. Мишаниной выделяется жанровой и тематической широтой, углубленной психологической направленностью. Она автор не только рассказов и повестей, написанных как для детей, так и для взрослого читателя, но и драматических произведений со сложной социальной и психологической направленностью.

Детская проза В.И. Мишаниной отличается проникновенной и поэтической манерой письма, глубиной раскрытия характеров. Автор увлекательно, со знанием детской психологии показывает жизнь детворы. Главным в таких произведениях является идея добра, чуткого отношения к окружающим и взаимовыручка.

В произведениях, рассчитанных на взрослую аудиторию, чувствуется глубокое знание автором жизни. Она тонко ощущает время, характеры своих героев рисует с большой психологической достоверностью.

Ее драматургия занимает одно из ведущих мест в современной мордовской литературе, ибо В.И. Мишанина является одним из тех немногочисленных авторов, кто ведет весьма серьезные и плодотворные поиски в жанре драматургии. Она внесла большую лепту в расширение границ психологической драмы в мордовской литературе. В пьесах зримо ощущается внимание драматурга к психологии человека, его мировоззрению. Автор хорошо разбирается в происходящих в современном обществе процессах, которые оказывают большое влияние на внутренний мир ее персонажей.

Актуальность тематики, острота затронутых проблем, стремление найти новые эстетические пути их решения – отличительная черта произведений В.И. Мишаниной. Ее внимание постоянно направлено на происходящие в обществе процессы, в первую очередь, на вопросы нравственного совершенствования личности.

Светлана АРЕКЕЕВА

Ижевск

Пространственно-временные параметры художественного мира Кедре Митрея

Кедра Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов), талантливый удмуртский писатель (1892–1949), оживил в своем творчестве давно ушедшие эпохи: XIV–XV вв. – в трагедиях «Эш-Тэрек» и «Идна батыр», начало XIX в. – в романе «Секыт зйбет» («Тяжкое иго»). В других случаях Кедре Митрей шел по свежим следам увиденных, пережитых, восчувствованных событий. Он – своеобразный хроникер, летописец своего времени. В 1910–1911 гг. писатель создал автобиографическую повесть «Дитя больного века». Сюжетное время отражает этапы формирования личности автобиографического героя. Кедре Митрей не строго подходит к отбору событий прошлого. Крупным планом выделено обучение в Казанской учительской семинарии. Собственно говоря, автор не столько реконструирует пережитое, сколько письменно фиксирует, оформляет еще живые чувства, мысли, ощущения, состояния. Время в повести течет медленно за счет изобилия описаний, нагромождения второстепенных деталей. Жизнь героя делится на учебное (излишне-строго упорядоченное, удушающе-регламентированное) и свободное от учебы, каникулярное время (омрачаемое взаимоотношениями с отцом). В повествовании используются письма и дневники,

вносящие в текст эффект достоверности, запечатлевающие субъективное восприятие тех или иных мгновений жизни.

Центром мира для героя повести «Дитя больного века» является он сам и его страдания, на которых он сосредоточен. Окружающее пространство воспринимается им очень пессимистично (*«На этом свете жить тяжело, а иного нет»*). Он полагает, что семинария – это тюрьма, его раздражает закрытый режим учебного заведения; в результате свое недовольство герой распространяет чуть ли не на весь мир, для него *«все пути мрачны и тернисты»*. По мнению автобиографического героя, ему нет места на земле, окружающий мир его выталкивает из себя, поэтому им владеет навязчивая мысль о смерти. В том числе он изгоняет и родное село: *«Родное село меня не приняло...»; «Игра! Изгнанник твой любит тебя... Судьбой мне назначено вылезть из твоего смрадного омуты»*. Несмотря на то, что герой слишком часто говорит о смерти, финал повести имеет открытый характер, и время в нем жизнеутверждающе открыто: *«Повесть кончена моя, но вместе с этим не покончена жизнь моя: она длится!»*.

Прозаические произведения, написанные Кедром Митреем, начиная с середины 1920-х годов, конечно же, отличаются от первого художественного опыта писателя. В рассказах и повести «Вужгурт», 1926 («Зурка Вужгурт», 1936) автор сосредоточивает внимание на внешнем мире, на трагических коллизиях современности. Если в повести «Дитя больного века» Игра (Вужгурт) – это реальная родина автобиографического героя, и у него развиваются сугубо личные, частные взаимоотношения со своим селом, то в повести «Вужгурт» («Зурка Вужгурт») это маленькая часть большого мира, оказавшаяся втянутой в водоворот трагических событий XX века. Символично, что Вужгурт располагается на развилке, на пересечении, на перекрестке дорог. Вужгурт – локус, раздираемый внутренними социальными конфликтами, в то же время это некое микропространство, оказавшееся в фокусе противостояния внешних, выходящих за рамки деревни сил. Несмотря на то, что автор конкретно-документален, изображенное им приобретает обобщенный характер. Хроника села в повести соотносима с исторической хроникой других мест, возможно, и всей страны. Деревня в изображении Кедр Митрея живет от войны до войны, посылая своих сыновей в качестве пушечного мяса на японскую, затем на германскую войну. Вужгурт предстает как открытое пространство, сюда приходят и отсюда уходят весточки, сюда возвращаются и отсюда уходят солдаты.

В гражданскую войну Вужгурт становится непосредственно ареной противостояния враждующих сил, эпицентром трагических событий. Повествователь не упрощает ситуации; он дает понять, что гражданская война никого не оставляет в стороне, и нет такого места, где можно от нее уберечься. Вужгурт бесконечное количество раз переходит из рук в руки, и здесь нет однонаправленного, векторного движения воюющих сторон вперед или назад: красные наступают – белые отступают, белые наступают – красные отступают. Каждая сторона устанавливает свои порядки, которые не успевают закрепиться и оказываются сметены новой волной, т.е. ситуация возвращается к изначальной точке. В этом заключается бессмысленно-повторяющийся, изнурительно-изматывающий характер событий, обладающих обратимостью. Изображенная в повести действительность не черно-белая (вернее, не бело-красная), а более сложная по своей сущности.

Кедр Митрей создал облик деревни, разоренной войной, время хаоса, когда поля не засеиваются, дома разрушены, человеческая жизнь девальвирована, половодьем разлита разрушительная ненависть. Время в пылу ненависти, как и жизнь, теряет ценность, поступательность. Меняется сам облик земли-кормилицы: если после германской войны она брошена, запущена, то в ходе гражданской войны она не просто пустая, но изрытая, перепаханная, взбурявленная. Быстрая смена кадров, обилие многочисленных имен, массовых сцен создают ощущение стремительного темпоритма событий. Мелькают лица, эпизоды, жесты. Но несмотря на хроникально-

сжатое изложение событий, которое ускоряет бег сюжетного времени, автору удается передать суть эпохи через отдельные яркие эпизоды, посвященные частному человеку – маленькому человеку, которому выпало жить во время большой братоубийственной войны. По всей повести проходит мысль о перевернутости мира, опрокинутости жизни. Писатель рисует не просто расколовшийся надвое мир, он воссоздает мозаичную действительность, которая складывается из маленьких локально-индивидуальных кусочков, отражающих человеческие судьбы.

Итак, Кедр Митрей обычно охватывает в своих произведениях небольшое пространство: это деревня, дом, однако события, происходящие в этом микропространстве, имеют не узколокальный характер, они типично-узнаваемы, а значит масштабны по сути. Писатель умеет схватить и выразить нерв времени.

Татьяна БЕЛЯЕВА

Йошкар-Ола

Символика в современной марийской драматургии (типология, функции)

Современная марийская литература, в том числе и драматургия, в аспекте поэтики мало изучена марийскими литературоведами. Есть попытки изучения современной драматургии с точки зрения жанра, характера, но совершенно не затронута проблема символической образности.

Мы выделили следующую типологию символики, характерную для марийской драматургии (при этом необходимо отметить, что символ в марийских драматургических произведениях выступает как элемент, а не доминанта художественной системы):

1) природные образы-символы (фитоморфная и зооморфная символика, символика природных явлений и состояний). Еще в первых марийских драматургических произведениях через такие образы-символы раскрывались внутренние состояния, характер героев, происходила их типизация.

С образом метели, например, ассоциируется и предельное эмоционально-психическое состояние героев, напряжение, вызванное необходимостью решить нравственно-этические проблемы, совершить какой-то поступок (Коршунов К. “На жизненном пути”).

Образы бури, грозы, пожара, дождя, восхода, зари и т.д. (К. Коршунов “Грозное зарево”), применяются для выражения “общественной мысли”, в подтексте пьесы они наполняются конкретным социально-политическим содержанием, фокусируют все приметы времени, передавая состояние хаоса, растерянности, страха, всеобщей подозрительности, оповещающая о грядущих переменах не только в пьесе, но и в стране в целом. Так создается образ страны, охваченной какой-то стихией, метелью: сдвинуты устоявшиеся критерии, потеряны социальные и нравственные ориентиры. Это также великий символ революции;

2) гражданская символика (цветосимволика, музыкальная символика, иносказательный смысл явлений и предметов общественного и личного быта, человеческого мышления).

Символы подобного типа обладают предельной ассоциативностью, идейно-эстетической многозначностью, они становятся средством типизации, позволяющим достигать философско-эстетические многозначные обобщения.

В заглавие своих произведений К. Коршунов (“Прерванная мелодия”), М. Рыбаков (“Венгерская рапсодия”) обычно выносят зашифрованный образ-символ, обобщающий центральный идейный мотив произведения.